

Этой весной исполняется 200 лет Большому театру. На его сцене вместе с маститыми художниками выступает много талантливой молодежи. Лауреат Четвертого международного конкурса имени П. И. Чайковского певец Владислав ПЬЯВКО — один из них. За годы работы в Большом театре он спел почти все ведущие партии для драматического тенеора. Лауреат нескольких международных конкурсов. Много гастролирует за рубежом. Наконец, певца можно поздравить с присвоением звания заслуженного артиста РСФСР.

— Как Вы чувствуете себя в искусстве после этих успехов?

— Мне по-прежнему трудно. Приходится очень много работать, чтобы реализовать себя. Оперный тенор — звучит чуть ли не нарицательно. Поклонницы, цветы, автографы... Суетность! Я жил в Норильске, работал шофером, возил руду на обогательную фабрику. Отнести к себе изящный афоризм Игоря Стравинского: «С раннего детства я открыл, что сделан опекуном музыкальных способностей», — я никак не могу. Музыкального образования у меня не было. Правда, меня всегда тянуло к драме, к кино. Демобилизовавшись из армии, я приехал в Москву и стал поступать во все театральные учебные заведения подряд. Но всюду мне объясняли, что молодых людей моего плана уже набрали. Так я дошел до ГИТИСа. На экзамене спел «Вот мчится тройка почтовая» и неожиданно за исполнение этой песни был принят на факультет актеров музыкальной комедии. Казалось, передо мной открыто все. Но мне было тогда двадцать лет, и я плохо представлял, к какой профессии себя присуждаю... После первого года обучения в ГИТИСе пришлось перейти в класс к другому педагогу. Это был Сергей Яковлевич Ребриков. Он не слышал меня на экзамене при поступлении в ГИТИС и... при первом же прослушивании удивился, что меня сюда приняли.

— Как же тогда Вы стали певцом?

— Начались долгие и упорные годы занятий. Мой педагог обучал меня вокальной премудрости, тому огромному арсеналу приемов, которые позволяют голосу литься естественно. Наш труд увенчался успехом. Я был принят в стажерскую группу Большого театра, куда на шесть вакантных мест устремились триста претендентов. Позже, когда меня послали на стажировку в Италию, в миланский театр Ла Скала, я, занимаясь с маэстро Ренато Пасторино, к удивлению и радости, обнаружил много общего в методах моего педагога и маэстро.

— Вы и сейчас поддерживаете контакт со своим педагогом?

— Я и по сей день его ученик. Несмотря на преклонный возраст, несмотря на то, что у него есть еще ученики, Сергей Яковлевич не пропускает ни одного моего спектакля, концерта. Потом он звонит мне из автомата — дома у него телефона нет — и часами

разбирает все «по косточкам». Обычно разговор начинается так: «Знаешь, все было хорошо, но...» А под конец я спрашиваю его: «Так что же, собственно, было хорошо?»

— Можете ли Вы сказать, что нашли себя?

— Да, я уверен, что занимаюсь своим делом. Будь иначе, я ушел бы из театра. Хотя профессия певца — это воловь работа. Она требует жестокой дисциплины во времени. На того, кто занят ею всерьез, она обрушивает ком-

даме». Память этого великодушного музыканта хранит много трактовок, прочтений, интерпретаций. Он никогда не допустит во время репетиций пустого пропевания. «Вы так трактуете или просто не знаете?» — спрашивает он в классе.

— Пушкин и Мусоргский, Пушкин и Чайковский... Театр обручает великую литературу и великую музыку. Как все это преломляется в певце?

— Это сложная проблема. Мусоргский в «Борисе Году-

Владислав ПЬЯВКО:

«Я СЛЫШУ О Б Р А З»

плекс небывало трудных задач. Великие певцы, которых я слышал, убедили меня в бесконечных возможностях человеческого голоса. Но они же и доказали, что культ звука — не вся правда о пении. Герман, Хозе, Кавардосси — это судьбы. И пение тоже должно быть «судьбосносным».

— Это — что такое хорошо. А что такое плохо?

— Плохо, когда артист не ведает, что творит на сцене. Отсюда — пустота, фальшь, рутинная, механистичность пения.

— Что же может уберечь театр от этого зла?

— Взыскательная актерская совесть. Критика. Публика.

— Кто в спектакле Ваши главные помощники?

— Партнеры. С отличным партнером ты можешь делать свое искусство классом выше. Это как бы «дуэль» и «коронация» одновременно. И, конечно же, дирижер — единственный, кто остается между тобой и темным провалом зала. Есть дирижеры, которые чувствуют состояние певца на сцене обнаженными нервами. Таков Клаудио Аббадо, музыкальный руководитель и постоянный дирижер Ла Скала. Это еще молодой человек, но он уже управлял лучшими оркестрами мира. В Большом театре я люблю спектакли, которыми дирижирует Борис Эммануэлович Хайкин. С ним я готовил ответственные партии — Самозванца в «Борисе Годунове» и Германа в «Пиковой

нове» Пушкину не противоречит. Гармония музыки и поэзии открывает перед певцом просторы фантазии. С первой же сцены, самой трудной для артиста, ибо она заявка на образ. Самозванец у Пушкина — личность уже в келье. И у Мусоргского в музыке много взлетов, чуть ли не вскриков. За толстыми монастырскими стенами прозябает смиренный инок, в котором клочок избыток энергии. Именно в келье у него созревает грандиозный авантюрный план. Мусоргский как будто подсказывает, что образ можно строить и на пластических метаморфозах. Созрел план, вся фигура Самозванца в келье словно вырастает. И вдруг он испуганно озирается, не видел ли Пигмен? А Герман? У Чайковского главное в нем — страсть. Через страсть возникает тема карт. Через карты он приходит к безумию. А у Пушкина герой одинок, ужасающе одинок... Мне кажется, пушкинский Герман — это предтеча тех оторванных от общества «лирических людей», которых потом с такой пристальностью будет исследовать русская классическая литература. Лиза для него — спасение от мук одиночества. Карты — род самодовольствия. Фанатичное желание реализовать себя. И я уже не могу спросить Петра Ильича Чайковского, почему он так увидел Германа? Не могу поспорить с ним... Душой я с Германом Пушкина. Но как певец я должен быть в рамках музыки, хотя сцены с Лизой уже не могу петь так лирично. Я должен найти что-то...

— И Вы нашли?

— Пока не знаю. Если Вы спросите меня, над чем я буду работать дальше, я отвечу: я хочу петь и романсы. Это тоже великая школа для певца. Недавно в концерте я спел программу песен и романсов на стихи Сергея Есенина. Но Хозе, Самозванец, Герман — над ними я буду работать всю жизнь. Всякий великий композитор щедро предлагает певцу соавторство, даже соавторство...

Беседу вела
Р. ШЕЙКО.

КОЛОДЦОВСКИЙ ПЬЯВКО

19 МАР 1976